

Леонид МЛЕЧИН

РОССИЯ И КИТАЙ

ДРУЖИЛИ, ВОЕВАЛИ, ЧТО ТЕПЕРЬ?

Леонид Михайлович Млечин

Россия и Китай. Дружили, воевали, что теперь?

Серия «На подмостках истории»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42614805

*Россия и Китай дружили, воевали, что теперь?: АО «Издательский дом «Аргументы недели»; М.; 2019
ISBN 978-5-6042364-8-2*

Аннотация

С начала XX века Китай прошел трудный путь преобразований. Правление Мао Цзэдуна с его «культурной революцией», большим скачком, репрессиями и трудовыми концлагерями превратило страну в нищую и отсталую провинцию. Реформы Дэн Сяопина, напротив, оживили экономику Поднебесной, и сегодня Китай динамично развивающееся государство, быстро и планомерно завоевывающее все новые пространства в экономической и политической сферах. Постоянно меняющийся политический курс КНР накладывал свой отпечаток на отношения с СССР и соседними странами. Периоды «вечной дружбы» сменялись затишьем или открытым противостоянием, как это случилось на Даманском. Сегодня стремительно растущий Китай «сражается

за восстановление исторической роли» на международной арене. Автор задается вопросом: может ли государство, построенное на ограничении возможностей, инициативы и свобод, превзойти страны, построенные на защите и расширении этих свобод? Не означает ли это, что в будущем упадок Китая неизбежен?

Содержание

Кровь на Даманском	7
Что за жизнь без бомбы	18
Взаимная ненависть достигла предела	28
Советская агентура	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Млечин

Россия и Китай дружили, воевали, что теперь?

© Млечин Л.М., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

* * *

Все-таки есть нечто мистическое в этом совпадении: годы, которые оканчивались на цифру 9, меняли наши отношения с Китаем.

В 1949 году Советский Союз признал новую власть во главе с вождем коммунистической партии Мао Цзэдуном. В 1959 году отношения с Пекином стали враждебными. В 1969 году на острове Даманский советские и китайские солдаты стреляли друг в друга, мы оказались на грани большой войны. В 1979 году Китай атаковал соседний Вьетнам, и в этот вооруженный конфликт едва не вовлекся Советский Союз. А в 1989 году, когда генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев прилетел в Пекин мириться, на столичной площади Тяньаньмэнь танки Народно-освободительной армии Китая давили «контрреволюционный мятеж».

И всякий раз эти драматические события становились

сюрпризом для Москвы. Мы плохо понимаем Китай и китайцев?

В 1949 году, когда Мао Цзэдун взял власть в Пекине, измученный долгой войной и междоусобицей Китай отчаянно нуждался в помощи куда более развитого Советского Союза.

Сегодня китайцы считают себя главным партнером Соединенных Штатов в мировых делах и державой номер два. Россию в Пекине воспринимают как «ресурсный тыл». А к 2049 году, когда будет отмечаться столетие Народной Республики, Китай твердо намерен стать самой крупной державой и вернуть себе определяющую роль в мировых делах. Китай не ищет свое место под солнцем, как когда-то говорили о кайзеровской Германии. Скорее, Китай вновь занимает свое законное место Солнца!..

Глава КНР Си Цзиньпин в программной речи сказал:

– Мир нуждается в Китае. Никто не вправе диктовать китайскому народу, что он должен делать или чего он не должен делать. Китай не станет развиваться за счет интересов других стран, но никогда не откажется от своих законных прав и интересов.

Мир вступил в эру соперничества великих держав – Соединенных Штатов, Китая и России. Оптимизм, рожденный окончанием холодной войны, развеялся. Начался период нестабильности и неопределенности.

Кровь на Даманском

Я учился в школе, когда бешеные китайские толпы рвались через советскую границу. Помню, что все вокруг ждали большой войны.

Много позже в воспоминаниях советника президента Соединенных Штатов по национальной безопасности Генри Киссинджера прочитал, что и американцы были уверены: в ответ на попытку захватить остров Даманский Советский Союз нанесет ядерный удар по Китаю. И начнется большая – если не третья мировая! – война с огромными потерями и непредсказуемыми последствиями.

Наши военные действительно предлагали наказать Пекин. После гибели наших пограничников о войне с миллиардным Китаем говорили как о неизбежности.

Почему китайцы решили провести разведку боем в районе острова Даманский (китайское название Чжэньбаодао) на реке Уссури? Отчего выбрали именно этот остров?

Уже практически договорились на двухсторонних переговорах, что он перейдет к Китаю, поэтому в Пекине, видимо, полагали, что Советский Союз не станет так уж сильно его защищать.

Пограничные заставы появились здесь лишь недавно, и пограничников явно не хватало на огромный не оборудованный участок границы. 57-й пограничный отряд, которым ко-

мандовал полковник Демократ Владимирович Леонов, находился в стадии формирования. Условия службы были тяжелые. Не хватало офицеров, старшин. Трудно было со связью.

Сначала на остров, нарушая государственную границу, приходили китайские рыбаки, обычные китайцы с плакатами, потом появились люди с оружием. Перед пограничниками стояла практически невыполнимая задача – малыми силами, не применяя оружия, раз за разом вытеснять китайцев с советской территории. Эти столкновения быстро перерастали в драки, в ход шли палки, колья, ломы. Пограничники обзавелись рогатинами и дубинами, обливали китайцев из огнетушителей. Потом доставили пожарную машину – мощная стена воды сметала китайцев. Постепенно схватки приобрели массовый, ожесточенный характер, запрещено было только одно – стрельба.

От советского берега до острова Даманский – полкилометра, от китайского меньше – в разное время года от трехсот до семидесяти метров. Остров необитаемый, весной его практически полностью заливают река. Китайские солдаты несколько раз пытались его захватить. Однажды схватились в настоящем штыковом бою. Начальство требовало от пограничников – не открывать огонь. За месяц до кровавых событий на Даманском с бронетранспортеров сняли боекомплект, опечатали и отправили на склад.

В феврале 1969 года все вроде бы успокоилось. В Москве решили, что острый период миновал. Резервные группы вер-

нулись в отряд. Остался только личный состав погранзастав. Но командиры 1-й и 2-й застав не верили, что китайцы оставят их в покое. Нарушив приказ, на свой страх и риск они вернули боезапас в бронетранспортеры.

В ночь на 2 марта 1969 года на остров Даманский скрытно проникли несколько сот бойцов Народно-освободительной армии Китая и замаскировались. Пограничники этого не заметили и не подозревали, что им устроена засада.

Нападение было неожиданным. Одна из самых мощных разведок в мире – советская – не смогла его предугадать.

Внешнюю разведку возглавлял генерал Александр Михайлович Сахаровский. Дважды в день Сахаровский передавал председателю КГБ предназначенные для членов политбюро ЦК сверхсекретные материалы разведки. Юрий Владимирович Андропов подписывал спецсообщения; их доставляли адресатам в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже помощники членов политбюро. Но в ту пору внешняя разведка не располагала агентурой внутри Китая и не могла разгадать далеко идущие планы пекинского руководства.

Утром 2 марта 1969 года дежурный наряд засек группу вооруженных китайцев, которые двигались к острову. Начальник 2-й заставы старший лейтенант Стрельников поднял личный состав и на трех машинах выехал на остров. Иван Иванович Стрельников закончил курсы младших лейтенантов и сам построил эту заставу в рыбацком поселке

Нижне-Михайловка.

Стрельников, как положено, потребовал от китайцев покинуть остров. Вместо ответа китайцы внезапно открыли огонь. Они практически в упор уничтожили две группы пограничников. И только третья группа, задержавшаяся в пути – подвела машина – под командованием младшего сержанта Юрия Бабанского вступила в бой. Они бы тоже погибли, но подоспел с двадцатью двумя бойцами начальник соседней заставы – старший лейтенант Бубенин.

Виталий Дмитриевич Бубенин, закончив Алма-Атинское погранучилище, прибыл на Дальний Восток летом 1966 года. Сначала он был заместителем у Стрельникова. А на следующий год командующий Тихоокеанским пограничным округом отвез молодого офицера на вертолете на Кулебякины сопки и показал:

– Запомните, лейтенант, здесь будет пограничная застава. Построите ее к 7 ноября – будете ее начальником.

Когда подоспел Виталий Бубенин, двадцать два советских пограничника были убиты, один, тяжело раненный, попал в плен. Вернут его китайцы мертвым...

Командование отряда находилось на учениях и не подозревало, что рядом идет настоящий бой. Пограничникам не разрешалось брать с собой больше двух магазинов к автомату, то есть они должны были отстреливаться, экономя патроны. К исходу первого часа боя Виталий Бубенин был ранен и контужен при разрыве мины, но из боя не вышел.

Старший лейтенант отвел своих людей, а сам на бронетранспортере двинулся вдоль острова и, ведя огонь из двух крупнокалиберных пулеметов, оказался у китайцев в тылу. Он вел огонь, пока бронетранспортер не подбили китайские артиллеристы. При абсолютном численном превосходстве китайцы ничего не смогли сделать с небольшой группой советских пограничников. Ни один из наших солдат не сплывал, ни один не поддавался панике, ни один не отступил, хотя шанс выжить был минимальным.

На помощь подъехала резервная группа с заставы Бубенина. Она доставила весь остававшийся боезапас, пулеметы и гранатомет. Старший лейтенант Бубенин (раненый и контуженный!) пересел в бронетранспортер Стрельникова и опять двинулся в сторону китайцев. Бубенин ворвался в их расположение с фланга. Появление бронетранспортера было неожиданностью для китайцев. Безостановочно работавший крупнокалиберный пулемет рассекал китайские цепи.

Бубенину повезло – он выскочил прямо на командный пункт китайцев и расстрелял его в упор. Оставшись без командования, китайцы запаниковали и побежали. Уже в последний момент бронетранспортер подбили, и Бубенин вторично был контужен.

Только потом на вертолете появилось командование погранотряда, перебросили подкрепление с 3-й заставы. В бою погибли тридцать два советских пограничника. В плен попал тяжело раненный ефрейтор Павел Акулов, его тело обменя-

ли на труп китайского солдата в середине апреля 1969 года. Цифра китайских потерь до сих держится в тайне.

Из Москвы прилетела комиссия, которую возглавлял первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Николай Степанович Захаров.

«В Имане (нынешнем Дальнереченске), где квартировалось командование погранотряда, прошли первые похороны, – вспоминал собственный корреспондент «Известий» по Дальнему Востоку Павел Демидов. – Собрался чуть ли не весь город. Выступает начальник Иманского погранотряда полковник Демократ Леонов. Говорит хрипло, простуженно. Через несколько дней Демократ Владимирович погибнет, как и его соратники, с которыми он прощается сейчас. Оркестр исполняет Гимн Советского Союза, на этом фоне слышен стук молотков – забивают гвозди в крышки гробов. И вдруг, перекрывая все звуки, раздается пронзительный детский крик: «Па-а-па-а!».

На всем участке 57-го погранотряда перешли на усиленный режим охраны границы. Командир расквартированной по соседству 135-й мотострелковой дивизии получил приказ наметить маршруты выдвижения войск и артиллерии, если придется вступать в бой. Но вводить в действие армейские части не хотели, и пока что на помощь малочисленным пограничникам выдвинули всего две мотострелковые роты и два танковых взвода. Почему-то в Москве рассчитывали на то, что китайцы больше не полезут. И допустили непро-

стительную ошибку, за которую опять пришлось заплатить кровью наших пограничников. Меньше чем через две недели вновь вспыхнули бои.

15 марта 1969 года заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов записал в дневник:

«В восемь часов утра позвонил Ю. В. Андропов и сообщил о новых осложнениях на советско-китайской границе (у острова Даманского). Несмотря на субботу, было заседание политбюро. Приняли текст заявления советского правительства. Внутри МИДа создал оперативную группу, ввел круглосуточное дежурство, вертелся у телефонов, как пляшущий человечек».

Китайцы наступали с самого утра при поддержке артиллерийского и минометного огня. Противостояла им маневренная группа погранотряда, не имевшая тяжелого оружия. Пограничники просили военных о поддержке – рядом стояла минометная батарея, но ей запретили открывать огонь. Под напором превосходящих сил пограничники отошли. Китайцы заняли остров. Но пограничники не сдавались, хотя не располагали силами и средствами для общевойскового боя. На бронетранспортерах они пошли в контратаку, но китайская артиллерия жгла боевые машины.

Командир погранотряда полковник Леонов, не выдержав, буквально заставил четыре танка, не имевших приказа действовать, двинуться вперед. Он сел в головной танк, который подбили. Полковник Леонов выбрался из горящей машины,

но китайцы забросали его гранатами.

Генерал армии Вадим Александрович Матросов был тогда начальником штаба пограничных войск. Через много лет он рассказывал в интервью, как в тот день ему позвонил домой сам генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев:

– Что там происходит? Это война?

Генералу Матросову предстояло на следующий день вылететь на место событий. Он просил дать ему время разобраться – тогда будет ясно. Брежнев требовал ответа немедленно:

– Мне из Генштаба докладывают, что там уже все признаки настоящей войны.

Матросов ответил, что, по данным разведки, китайцы своих войск к границе не придвинули. Так что пока это еще не война. Леонид Ильич несколько успокоился.

«Наверное, можно было бы и избежать такого обострения, – говорил генерал Матросов, – в чем-то уступить, но наши политики тогда на компромисс не пошли. В итоге мы получили на границе протяженностью в семь с половиной тысяч километров адскую обстановку. Люди находились в постоянном напряжении».

Генерал Матросов не мог понять логики высшей власти. Если не хотели пускать китайцев на Даманский, надо было сразу перебрасывать туда соответствующие силы и давать достойный ответ. Если, напротив, не хотели ничего затевать,

зачем подставили пограничников, обрекли их на смерть?

Пограничники жаловались, что командование Дальневосточного военного округа не желало вмешиваться и им помогать: это ваше дело, а не армии.

К острову Даманскому вела всего одна дорога – развернуть войска было невозможно. Да и не хотели этого в Москве. Перестрелка между пограничниками – это инцидент на границе. Использование вооруженных сил – это уже настоящая война.

Только поздно вечером, после целого дня боев, пограничникам разрешили использовать четыре дивизиона ракетных установок залпового огня «Град». Это Брежнев дал согласие. После десятиминутной обработки острова ракетами, артиллерией и минометами китайцы отошли. На этом кровавый конфликт вокруг Даманского закончился.

«Два залпа нашей ракетной установки «Град», наконец, поставили точку в кровавом конфликте: противника как ветром сдуло, – писал известинец Павел Демидов. – Но к тому времени – к 16 марта – наши потери уже составили пятьдесят восемь человек убитыми и девяносто четыре тяжелоранеными...

Остров Даманский – тысяча семьсот метров в длину и пятьсот в ширину. Весной его заливало с макушкой, летом и осенью там косили траву для скота, а зимой – белое безмолвие... Через полгода было решено отдать Даманский Китаю. Соседи быстренько засыпали протоку между берегом и ост-

ровом, и теперь о тех событиях напоминают могилы в центре Имана да детский вопль на пленке моего диктофона, перекрывающий стук молотков».

Во время событий на острове Даманском в марте 1969 года у себя в Комитете госбезопасности Юрий Владимирович Андропов устроил совещание. Что делать? Как реагировать? Горячо выступали сторонники мощного удара по китайцам. Андропов был против. Его поддержал Брежнев. Что бы ни говорили о Леониде Ильиче, он прошел одну войну и делал все, чтобы избежать новой.

Конфликт постепенно угасал. Хотя 16 и 17 апреля столкновения между советскими и китайскими пограничниками произошли на границе между китайской провинцией Синьцзян и советским Казахстаном. В мае и в начале июня продолжались столкновения вдоль всего Амура. 8 августа произошли новые стычки. Китайское информационное агентство Синьхуа обвинило Советский Союз в подготовке войны против Китая...

Критические ситуации на китайской границе возникали и позже, но таких потерь, как на Даманском, уже не было.

Если говорить о событиях вокруг острова Даманский, то китайские руководители поступили преступно и подло, устроив засаду советским пограничникам. Но было очевидно, что в соответствии с нормами международного права Даманский принадлежит китайцам. Была ли необходимость из-за него проливать кровь? Уже в перестроечные времена пе-

реговоры с Китаем привели к изменению линии границы. Остров Даманский отошел к Китаю и теперь называется Чжэньбаодао.

В Пекине тогда, похоже, действительно не хотели большой войны. Но я думаю, что если бы лейтенанты Стрельников и Бубенин, сержант Бабанский и другие пограничники не проявили в марте 1969 года поразительного мужества, стойкости, готовности сражаться и, если надо, умереть в бою, у китайских руководителей, пожалуй, могло возникнуть желание вновь и вновь проверять прочность советских границ штыком...

Что за жизнь без бомбы

Напряженность на советско-китайской границе росла в течение пяти лет, с осени 1964 года, когда в Москве сменилось руководство.

Вождь китайской революции Мао Цзэдун просил советского руководителя Никиту Сергеевича Хрущева дать ему ядерное оружие. Летом 1957 года в Москве решили ответить положительно. На следующий год в Китай отправилась группа советских ученых и инженеров из ядерного центра Арзамас-16. Они получили такое задание:

– Китайские товарищи хотят сделать бомбу, и надо рассказать им, что такое ядерное оружие.

Они рассказали практически все о конструкции советской ядерной бомбы образца 1951 года. Китайцы спрашивали о более новых разработках, но ответа не получили. Никита Сергеевич предпочел проявить осторожность...

28 июня 1958 года глава правительства КНР Чжоу Эньлай обратился к Хрущеву с просьбой помочь в строительстве ядерных подводных лодок. 21 июля советский посол Павел Федорович Юдин в Пекине передал ответ: Москва предлагает общими усилиями создавать совместный советско-китайский подводный флот, который будет действовать с китайских баз...

Буквально на следующий день посла пригласили на засе-

дание китайского политбюро, и Мао устроил ему настоящий разнос, обвинив Советский Союз в попытке превратить страну в советскую колонию:

– Вы никогда не доверяли китайцам! Для вас русские – люди первого класса, а китайцы – это низший сорт, дураки и неряхи... Если у вас есть несколько атомных бомб, то вы думаете, что можете контролировать нас... Мои замечания могут вам не понравиться. Вы можете обвинить меня в том, что я националист или новый Тито. Мой же контраргумент – ваш русский национализм простирается до китайского побережья.

Потрясенный реакцией китайского руководства Хрущев прилетел в Пекин объясняться.

– Я считал нужным, чтобы ваш приезд состоялся втайне, – объяснил Мао, – дабы империалисты не могли воспользоваться вашим отсутствием и произвести внезапное нападение.

– Не думаю, чтобы они на это решились, – ответил Хрущев, – соотношение сил не в их пользу.

Сам диалог руководителей двух огромных государств свидетельствовал о крайне примитивном понимании внешнего мира...

Переговоры проходили в Запретном городе – бывшей резиденции императоров. Поскольку воцарилась страшная жара, Никита Сергеевич и Мао сидели у бассейна. Объяснение проходило на высоких тонах. Вроде бы обо всем договори-

лись, но атмосфера переговоров была не очень приятной для советской делегации. Беседы в Пекине насторожили Хрущева. Советским ядерщикам сказали в нашем посольстве:

– Хрущев уехал, и вы собирайте чемоданы.

Мао считал это предательством. Так Хрущев превратился в личного врага...

В декабре 1963 года на пленуме ЦК в заключительном слове Хрущев прошелся насчет китайцев. Замечательный поэт и редактор популярнейшего журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский записал его слова:

– Мне уже семидесятый, но я еще (некий петушиный жест)... (бурные аплодисменты, все даже встали – это в связи со словами о китайских расчетах). Они, китайцы, не против советской власти, не против даже партии нашей, даже ЦК, даже президиума в целом, а только против Хрущева. Они всякий раз, как объявляется наш очередной пленум, активизируются, всякий раз новая волна нападков на Хрущева. Словно надеются в информационном сообщении прочесть, что Хрущев, мол, выведен из состава пленума, снят...

Не прошло и года, как надежды китайцев сбылись.

Мао Цзэдун мечтал превратить Китай в мощное военное государство, которое никогда больше не станет жертвой агрессии и будет играть ведущую роль в мировой политике. Мао верил в силу оружия. Еще 4 ноября 1938 года, выступая на шестом пленуме ЦК компартии Китая, Мао произнес свой знаменитый афоризм:

– Винтовка рождает власть.

Вообще-то это его соперник Чан Кайши, который прежде управлял Китаем, любил говорить так: «Есть армия – есть власть», так что Мао всего лишь переделал его формулу.

Он стремился уравнивать себя с великими державами психологически, сознавая слабость собственной военной машины. Доказывал, что не боится ядерного оружия, что смерть сотен миллионов китайцев не приведет к капитуляции страны, даже, напротив, ускорит торжество коммунизма. На публике Мао демонстрировал презрение к ядерному оружию, повторяя, что «атомная бомба – бумажный тигр».

– Американских атомных бомб, – пренебрежительно замечал он, – слишком мало, чтобы уничтожить всех китайцев.

И при этом спешил обзавестись собственной бомбой.

Мало кто знал, что в те годы он чуть ли не каждое заседание высшего руководства страны открывал словами сожаления о том, что «у нас нет атомных бомб». Когда в провинции Гуанси нашли большие запасы урана, Мао пожелал увидеть образцы драгоценной руды.

«Я разложил урановую руду на столе, – вспоминал министр геологии Лю Цзе, – и провел над ней счетчиком Гейгера. Счетчик затрещал. Председатель Мао рассмеялся как ребенок, и сам взял счетчик, провел над рудой, слушая его треск. Когда я уходил, Мао задержал мою руку в своей и сказал: «Ах, Лю Цзе! Я хочу, чтобы вы знали: вы сделали то, что решительно изменит нашу судьбу!»

Созданием ядерной бомбы занимался специальный комитет под руководством главы правительства Чжоу Эньлая. Мао боялся превентивных мер со стороны Соединенных Штатов: а вдруг американцы попытаются силой остановить китайскую ядерную программу? Американцы следили за ходом работ с помощью самолетов-разведчиков У-2.

1 августа 1963 года президент Джон Кеннеди предупредил мир: сталинистский Китай, нацеленный на войну с ядерным оружием, представляет самую большую опасность для мира со времен Второй мировой войны. На совещании в Белом доме Кеннеди попросил своих генералов обсудить идею превентивного удара по китайским ядерным объектам. Летчики доложили, что это практически неисполнимо.

После убийства Кеннеди новый президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон обсуждал со своими помощниками другую идею: сбросить тайваньских диверсантов над китайским ядерным полигоном Лоп-Нор, чтобы они там все взорвали. Этот полигон в пустыне Гоби был изолирован от остальной страны. Рабочие и инженеры, участвовавшие в ядерном проекте, годами жили здесь в глиняных хижинах и палатках и не видели своих семей. Что такое отпуск, в Китае не знали. Но и идея Линдона Джонсона отпала.

Весной 1964 года подчиненные доложили Мао Цзэдуну, что осенью можно будет провести первое испытание. На всякий случай он хотел заручиться поддержкой Советского Союза. Он написал неожиданно теплое поздравление Хрущеву

по случаю его семидесятилетия, призвав к солидарности:

«В случае мирового кризиса мы встанем плечом к плечу против нашего общего врага... Пусть империалисты и реакционеры дрожат перед нашим союзом».

Вот тут американцы оценили возможности разведывательных спутников. Директор ЦРУ Джон Маккоун объехал руководителей европейских государств, чтобы их предупредить – вскоре Китай испытает ядерную бомбу. Он вспоминал: «Я рассказывал им, что Китай может взорвать свою бомбу в течение ближайших месяца-двух. Китайцы провели испытание через месяц. Европейцы смотрели на меня, как на пророка».

Первая бомба взорвалась 16 октября 1964 года на полигоне Лоп-Нор в пустыне Гоби.

Первое ядерное испытание вызвало у китайцев невероятный восторг. Солдат без колебаний бросили прямо в эпицентр взрыва, чтобы доказать: китайская армия готова к войне с применением ядерного оружия. Испытание китайской бомбы сделало баланс сил еще менее предсказуемым. В Вашингтон прилетел премьер-министр Японии Эйсаку Сайто. Его приняли президент Линдон Джонсон и министр обороны Роберт Макнамара. Сайто умолял Соединенные Штаты в случае войны Японии с Китаем прийти на помощь и пустить в ход ядерное оружие.

Совершенно счастливый Мао сочинил короткое стихотворение:

*Атомная бомба взрывается по приказу.
Какая безграничная радость!*

По странному стечению обстоятельств именно в эти дни в Москве убрали главного оппонента Мао – Никиту Хрущева. В Пекине это восприняли как двойной подарок...

– Советский Союз захватил слишком много земель, – заявил в 1964 году председатель ЦК коммунистической партии Китая Мао Цзэдун.

Слова Мао прозвучали как прямое обвинение. У Китая есть территориальные претензии к Советскому Союзу. И сразу возник вопрос: не намерен ли Мао силой решить этот спор?

В июле 1964 года Мао Цзэдун принимал представителей социалистической партии Японии. Гости из Токио поинтересовались у Мао, что он думает относительно давнего конфликта между Японией и Советским Союзом из-за Курильских островов. Он ответил неожиданно резко:

– На Ялтинской конференции Монголии номинально предоставили независимость, номинально отрезали ее от Китая. Фактически же она находится под контролем Советского Союза. Мы в свое время ставили вопрос о том, нельзя ли вернуть Монголию Китаю. Они нам отказали. Они отрезали от Румынии кусок, называемый Бессарабией, отрезали от Германии кусок Восточной Германии. Они еще отре-

зали кусок и от Финляндии. Они отрезали все, что можно было отрезать. Более ста лет назад они отхватили земли к востоку от Байкала, включая и Хабаровск, и Владивосток, и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету.

Вернувшись домой, японцы опубликовали текст беседы с Мао. Вспыхнул скандал. Отношения между Советским Союзом и Китаем уже были испорчены. Но до этого дня спор двух компартий носил большей частью теоретический характер: кто большие марксисты? Мао же превратил идеологический спор в межгосударственный. Слова насчет того, «что мы еще не рассчитались», в Советском Союзе восприняли как прямую военную угрозу.

15 сентября 1964 года первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров Никита Хрущев тоже принимал японскую делегацию. Он дал публичный ответ Мао. В его голосе звучал металл:

– Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал неограниченными.

И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут. Я вынужден был вчерашний день потратить на осмотр новых видов оружия. Мне пришлось этим заниматься, потому, что пока в мире есть еще волки, надо обязательно иметь средства для того, чтобы защищаться от этих волков...

Что означали слова Мао Цзэдуна, сказанные японцам, о том, что Советский Союз «захватил слишком много земель»? В Пекине с февраля 1964 года шли территориальные переговоры. Китайцы предложили упорядочить линию границы и заключить новый договор. Москва согласилась. Дипломаты работали вполне успешно. Но Мао, похоже, хотел подтолкнуть переговоры.

«Он не собирался требовать от Советского Союза возврата территорий, – считают сегодня историки. – Он стремился оказать давление на Москву, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение переговоров о границе, или пугающая перспектива «получить к оплате» счет на полтора миллиона квадратных километров».

Мао промахнулся. Переговоры были прерваны. Вражда усилилась. Мао, похоже, сам испугался. Он объяснял гостям из Северной Кореи:

– Мы сейчас говорим некоторые пустые слова. Говорим, что правительство царской России отрезало у нас миллион пятьсот тысяч квадратных километров. Хотим ли мы требовать возвращения этих районов? Мы и не думаем требовать этого. Цель состояла в том, чтобы привести Советский Союз в напряженное состояние и благодаря этому добиться сравнительно рационального договора о границе.

Примерно то же самое Мао повторил албанскому министру обороны:

– Мы стремились к тому, чтобы на пограничных пере-

говорах находиться в наступлении. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить миллион пятьсот сорок тысяч километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется произведением холостых выстрелов. Хрущев такой человек, что если ты в него не произведешь несколько холостых выстрелов, то он будет чувствовать себя нездоровым...

Взаимная ненависть достигла предела

Новый руководитель страны Леонид Ильич Брежнев попытался использовать смещение Хрущева для сглаживания противоречий и нормализации отношений с Пекином (см. журнал «Исторический архив», № 5/2006).

Послом в Пекине был Степан Васильевич Червоненко. До войны он был директором средней школы на Украине, ушел на фронт и был тяжело ранен при форсировании Днепра. В 1949 году окончил в Москве Академию общественных наук при ЦК партии. В Киеве новоиспеченного кандидата наук принял хозяин Украины Хрущев и предложил должность заведующего отделом науки и вузов республиканского ЦК. Летом 1956 года Червоненко избрали секретарем ЦК компартии Украины, в октябре 1959 года отправили послом в Китай.

Степан Васильевич попал в Пекин в трудные годы, когда стремительно ухудшались отношения с Китаем и к советским дипломатам стали относиться враждебно.

Через несколько дней после отставки Хрущева посол получил шифровку из Москвы:

*«Посетите т. Чжоу Эньлая и сообщите
ему от имени ЦК КПСС и Советского*

правительства, что в Москве будут рады принять партийно-правительственную делегацию КНР на празднование 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Скажите, что в Москве согласны с тем, что поездка китайской делегации может послужить установлению контактов, обмену мнениями. Мы разделяем мнение ЦК КПК о том, что следует «делать шаг за шагом для улучшения советско-китайских отношений»... Исполнение телеграфируйте».

Член постоянного комитета политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлай возглавлял правительство Китая и фактически был в стране вторым человеком после Мао Цзэдуна. Чжоу Эньлай ответил советскому послу, что принимает приглашение на празднование октябрьской революции, потому что «величайшее желание Мао» – улучшить отношения с Советским Союзом.

После снятия Хрущева и успешного атомного испытания в Пекине чувствовали себя увереннее, чем когда бы то ни было. Мао решил, что новые руководители в Москве помогут ему с ракетами. Бомба у него уже есть, но как ее доставить к цели?

Китайская делегация приехала. Но переговоры, продолжавшиеся четыре дня, оказались безуспешными. 14 ноября 1964 года Брежнев рассказал об этом на пленуме ЦК:

– Китайские товарищи отказались принять предложение о прекращении открытой полемики. Более того, они сказа-

ли, что если КПСС будет осуществлять курс XX съезда, следовать своей программе, то они не видят возможности для прекращения борьбы.

Кандидат в члены политбюро и секретарь ЦК коммунистической партии Китая Кан Шэн упрекнул Алексея Николаевича Косыгина в том, что глава советского правительства на приеме в Кремле 7 ноября любезно беседовал с американским послом.

– Я, – заявил Кан Шэн, – покраснел, когда товарищ Косыгин подошел к американскому послу с дружественным жестом. Перед лицом империалистов он показал, что Советское правительство имеет в этом вопросе две позиции.

Кан Шэн курировал спецслужбы и вошел в историю как «китайский Берия». А в искусстве изощренных пыток, которым придумывались красивые названия – «кресло наслаждений», «питье жаб», «обезьяна держится за веревку», «ангел играет на цитре» – возможно, и превзошел Лаврентия Павловича Берию, не одаренного таким богатым воображением.

«Кан Шэн, – пишут историки Юн Чжан и Джон Холлидей, – тощий усатый человек в очках с золотой оправой, ценитель эротики, тем же взглядом ценителя наблюдал, как корчатся от боли, причиняемой пытками».

Со временем его исключат из партии и объявят контрреволюционером...

Твердолобый догматизм, который демонстрировали китайские руководители, претил даже советским аппаратчи-

кам. Брежнев жаловался участникам пленума ЦК:

– Кан Шэну было резонно сказано, что это всего лишь обычная дипломатическая практика, которой придерживается любой глава правительства, в том числе и сам товарищ Чжоу Эньлай. Этот эпизод наглядно показывает, как много нам предстоит поработать, чтобы добиться взаимопонимания с китайскими товарищами.

Советская делегация предложила провести встречу на высшем уровне. Чжоу Эньлай ответил, что для этого еще предстоит создать подходящую атмосферу:

– Если вы когда-либо сочтете, что условия для такой встречи уже созрели, вы могли бы внести какие-либо конкретные варианты – что и как обсуждать.

Атмосфера встречи была безнадежно испорчена настоящим скандалом.

На том же праздничном приеме в Кремле, 7 ноября министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский подошел к Чжоу Эньлаю. Маршал, возможно, несколько возбужденный горячительными напитками, с солдатской прямотой сказал главе китайского правительства:

– Мы не хотим, чтобы какой-то Мао или какой-то Хрущев мешали нашим отношениям.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – ответил Чжоу и ушел. Малиновский повернулся к китайскому маршалу Хэ Лу-ну:

– Мы от своего дурачка – Хрущева – избавились. Избавь-

тесь и вы от своего – от Мао. После этого у нас вновь начнется дружба.

Чжоу Энлай ночью отправил Мао телеграмму о происшедшем. Утром в резиденцию китайской делегации приехал Брежнев с членами президиума ЦК извиняться за Малиновского. Но китайцы обратили внимание на то, что маршал не был наказан.

Чжоу поклялся, что он больше никогда не приедет в Москву. И до смерти Мао вообще никто из руководителей Китая в СССР не приезжал. Только будущий глава страны Дэн Сяопин сделал короткую остановку в Москве, когда в июле 1965 года ехал на партийный съезд в Румынии.

Для Брежнева это были первые важные переговоры международного характера. Он беседовал с китайцами искренне, хотел договориться. Но после окончания переговоров был настроен пессимистически:

– Вполне возможно, что китайские товарищи смотрели на эти контакты как на своего рода «разведку боем», с помощью которой они попытались прощупать нашу стойкость в защите принципиальной линии КПСС... Мы и впредь будем со всей решительностью отстаивать принципиальные позиции нашей партии. Отступать от них нельзя. Мы не можем встать на путь обострения международной напряженности и вооруженных авантюр. Мы не откажемся от линии на повышение благосостояния трудящихся и развитие социалистической демократии. Как бы ни были дороги нам согласие и

дружба с КПК, такую цену за них платить нельзя...

Тем не менее, первое время Брежнев не терял надежды на какое-то сближение. Он отозвал из Пекина советского посла Червоненко, который занимал жесткую позицию в отношении китайского руководства. Личных претензий к нему не было, и в порядке компенсации Степана Васильевича перевели в спокойную и комфортную Прагу.

В конце июня 1965 года в Москву приехала делегация компартии Индонезии, которая полностью стояла на позициях китайской компартии. С советской стороны переговоры вели Брежнев и занимавшиеся международными делами секретари ЦК Михаил Андреевич Суслов и Борис Николаевич Пономарев.

Брежнев, по словам заместителя заведующего международным отделом ЦК Карена Нерсесовича Брутенца предложил забыть о прошлом, примирительно сказал:

– Я новый человек. Вы знаете, что я никогда ни с кем из вас не ругался.

Но в Пекине довольно быстро возобновили критику советского руководства, обвиняя его в перерождении и отказе от социалистических идеалов. Чжоу Эньлай доложил Мао Цзэдуну, что Брежнев производит впечатление слабого руководителя.

Но Мао, подозрительный по природе, насторожился. Не зреет ли внутри Китая заговор, который поддерживает Москва?

Профессор Пекинского университета Ли Даньхуэй считает, что 1964 год был поворотным для Мао. Он решил повернуть вооруженные силы не только против США, но и против СССР. Летом шестьдесят четвертого Мао определил подготовку к войне как главную задачу.

Маршала Хэ Луна, с которым разговаривал Родион Малиновский, арестовали. В 1969 году он умер в тюрьме. Через четыре года, когда Мао нуждался в поддержке своих генералов (см. журнал «Проблемы Дальнего Востока», № 6/2006), на заседании Военного совета ЦК он вдруг сказал:

– Мне представляется, что в вопросе о товарище Хэ Луне была совершена ошибка. И я должен нести за нее ответственность... Я прислушивался только к одной стороне, к Линь Бяо, поэтому и совершил ошибку... Вот ведь как получилось: я несколько раз прислушивался только к одной стороне, тут действительно нехорошо получилось. Тут я перед товарищами выступаю с некоторой долей самокритики. Критикую себя...

Заместитель министра обороны, побывавший в мае 1965 года в Советском Союзе в командировке, тоже был арестован. Его пытали, требуя, чтобы он рассказал, кто из китайских руководителей и военачальников связан с Москвой.

Смена первых лиц в советском руководстве осенью 1964 года не привела к снижению напряженности в двусторонних отношениях. Напротив, усилия официальной пропаганды обеих стран привели к чудовищному результату. Совет-

ские люди стали воспринимать Китай как врага номер один, китайцы готовились к войне с Советским Союзом. Начались стычки на границе. В марте 1969 года пролилась кровь: китайские солдаты стреляли в советских. Взаимная ненависть достигла предела.

Поводом стали пограничные споры. Обычно границы на реках проводятся по главному фарватеру. Царское правительство когда-то заставило Китай согласиться на границу по урезу воды вдоль китайского берега, в результате река Уссури со всеми островами оказалась российской. Остров Даманский, на котором в 1969 году развернутся настоящие бои между советскими пограничниками и китайскими солдатами, кстати говоря, появился лишь в 1915 году: река подмыла китайский берег, и часть его стала островом...

В пятидесятые годы китайские руководители заговорили о том, что пора бы провести более справедливую границу. В Москве согласились. В 1964 году начались переговоры. Но они были прерваны, когда Мао Цзэдун заявил, что Советский Союз «захватил слишком много чужой земли». Конфронтация между двумя странами сделала переговоры невозможными. Теперь уже китайцы откровенно претендовали на советские острова.

Министр иностранных дел Китая Чэнь И рассказал иностранным журналистам, что царская Россия оккупировала немалую часть китайской территории, а советские руководители не желают вести переговоры на эту тему. Это был пря-

МОЙ ВЫЗОВ.

В феврале 1964 года Мао сказал северокорейскому вождю Ким Ир Сёну: когда Советский Союз исчерпает все средства давления на Китай, чтобы заставить его покориться, «останется еще такое средство, как война».

С тех пор Мао стал выпрашивать иностранных гостей:

– Как вы считаете, способна Москва начать против нас войну?

Осенью 1964 года группа офицеров генерального штаба Народно-освободительной армии Китая провела рекогносцировку в Северном, Северо-Восточном и Северо-Западном Китае: изучали возможные направления ударов советской армии.

Больше всего тревожило монгольское направление. От Монголии до Пекина всего пятьсот километров. Чем остановить советские танки? В декабре 1964 года началась разработка грандиозного плана строительства противотанковых заграждений на Северо-Китайской равнине.

Теперь Мао полагал, что не Соединенные Штаты, а Советский Союз представляет главную опасность для Китая. Товарищи по руководству призывали Мао заняться исключительно экономическими делами, чтобы исправить все ошибки. Мао же думал: не пойдет ли в таком случае Китай по пути Советского Союза? Куда заведет этот путь – к западному капитализму? К советскому ревизионизму? Не захватят ли власть в Пекине политики, которые захотят союза с Моск-

вой? Не попытаются ли эти карьеристы и интриганы свергнуть самого Мао, чтобы он не мешал?

Советская агентура

Мао Цзэдуна очень беспокоил вопрос: не располагает ли Советский Союз действующей агентурой в Китае?

Но его подозрения были беспочвенны.

Во время Второй мировой войны советская разведка имела двенадцать легальных резидентур на территории Китая, восемь из них – в Синьцзяне, богатом урановой рудой, золотом и нефтью. После прихода коммунистов к власти московские чекисты помогали китайским товарищам в создании органов госбезопасности по советскому образцу.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 14 октября 1949 года:

«Вопрос МГБ СССР

В связи с просьбой Мао Цзэдуна обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) направить в Народную Республику Китай для оказания помощи в работе органов государственной безопасности и их войск в качестве советников МГБ СССР тт. Иванова А. А. и Великанова П. С.»

30 мая 1947 года постановлением правительства был учрежден Комитет информации при Совете министров (Комитет № 4), который должен был вести и политическую, и военную, и научно-техническую разведку. В состав комите-

та включили первое главное управление МГБ, Главное разведывательное управление министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК партии, министерства иностранных дел и министерства внешней торговли.

Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ, в зданиях, где когда-то работал Исполком Коминтерна. Впрочем, всем помещений не хватило, и нелегальную разведку пристроили в Лопухинском переулке.

Реорганизация стала результатом глубокого недовольства Сталина работой спецслужб. Годом раньше он сменил министра госбезопасности – вместо генерала армии Всеволода Николаевича Меркулова назначил генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова.

Но характерно то, что Комитет информации при Совете министров возглавил не Абакумов, а министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов, потом сменивший его на посту министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. Вождь не хотел излишнего усиления министра госбезопасности. Или не считал его способным руководить разведкой.

Сталин предполагал, что объединение создаст мощный разведывательный организм. Но Комитет информации тяготел к политическим делам, и первыми стали жаловаться маршалы и генералы, что их отрезали от разведывательной ин-

формации.

Сталин пошел военным навстречу. Главное разведывательное управление вернули в министерство вооруженных сил. Объяснение было простым: «В силу своего специфического характера разведывательная работа в военной области не может должным образом проводиться в структуре Комитета информации».

29 января 1949 года Комитет информации при Совете министров стал комитетом при Министерстве иностранных дел – «для более полного использования информационных возможностей Комитета информации в области политической разведки, а также подчинения политической разведки задач внешней политики СССР и текущей работе Министерства иностранных дел». Андрея Вышинского на посту председателя комитета сменил заместитель министра иностранных дел Валериан Александрович Зорин. Он среди прочего должен был помочь китайским товарищам.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1949 года:

«Вопрос Комитета информации

1. Обязать Комитет информации (т. Зорина):

а) командировать в Народную Республику Китай к 25 ноября с.г. сроком на один год 3-х преподавателей-специалистов для обучения разведывательной службе слушателей школы по подготовке работников информации, организуемой китайским правительством;

б) подготовить в течение ноября с.г. и снабдить организуемую китайским правительством школу работников информации учебными пособиями по основам разведывательной службы, материалами, характеризующими подрывную деятельность разведок империалистических государств.

2. Обязать Министерство государственной безопасности (тов. Абакумова) командировать к 25 ноября с.г. сроком на два месяца в органы безопасности Народной Республики Китай 2-х специалистов МГБ СССР для обучения способам обнаружения тайнописи и негласного вскрытия корреспонденции.

Разрешить МГБ СССР после обучения передать китайским органам безопасности пять комплектов специальных кварцевых ламп для обнаружения тайнописи и десять специальных аппаратов для негласного вскрытия корреспонденции».

Старшие советники появились в исполнение постановления политбюро от 27 февраля 1949 года для «более тесной координации усилий МГБ СССР с органами безопасности стран народной демократии в обстановке холодной войны».

Впрочем, в науке разведки и контрразведки, а особенно политического сыска китайские коммунисты и сами весьма преуспели. А вот техническую помощь китайские товарищи принимали охотно.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1950 года:

«Вопрос Китая

Обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) направить в Китайскую Народную Республику для оказания помощи в работе органов государственной безопасности тт. Кулешова В. И. и Евдокимова А. И. – специалистов по выявлению вражеских подпольных радиостанций, с необходимым техническим оборудованием, т. Арефьева Д. А. – работника по пограничной службе и т. Фатьянова З. А. – по работе органов милиции»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.